

Самый близкий мне человек — это ты, как же ты можешь позволить мне страдать?

Услышав эту песню, Сы Сянь нахмурилась. Подчиненный поспешно выключил телефон, его лицо выражало крайнюю неловкость. Как и ожидалось, Сы Сянь холодно фыркнула и махнула рукой, велев ему убираться. Сейчас её характер стал крайне неустойчивым, она легко выходила из себя. Эта песня была любимой у Цзы Цзюньнин еще в начале двухтысячных, Сы Сянь часто слышала, как та тихонько напевает её себе под нос. У Цзы Цзюньнин был мягкий голос, и в её исполнении песни всегда обретали особый шарм. Тяжесть беременности лишь усиливала раздражительность Сы Сянь. стакан для ручек на столе — бесит. Он полетел на пол. Блокнот — бесит. Экран монитора, разбитый вдребезги, толстые папки с документами — всё это бесило, разлетаясь по комнате. Даже уборщица, пришедшая навести порядок, вызывала у неё лишь досаду.

Если бы Цзы Цзюньнин была жива, она бы точно нашла способ её успокоить. Точно нашла бы. Сы Сянь обхватила голову руками, чувствуя, как ноют виски и наливаются тяжестью глаза. В её телефоне был открыт контакт Цзы Цзюньнин. Она ненавидела, когда аватарка Цзы Цзюньнин становилась серой. Пока иконка светилась, это было подобно соломинке для утопающего — она создавала иллюзию, что Цзы Цзюньнин всё ещё здесь. Ей казалось, что рано или поздно она привыкнет к жизни без Цзы Цзюньнин, но процесс оказался слишком мучительным. Одной в огромном доме, с пустотой в сердце... С самого начала Цзы Цзюньнин была частью её планов. Когда же она начала планировать жизнь, в которой нет места для Цзы Цзюньнин? Она уже и не помнила. Она просто шла вперед, падала и тут же поднималась, пробиваясь сквозь хаос эпохи обогащения. Чувство растерянности охватило её целиком. Тридцать семь лет словно во сне — ради чего всё это?

День родов приближался, а чувство удушья становилось всё сильнее. Она твердила себе, что справится. Она пережила бедность, пережила финансовый кризис — она должна, она обязана выстоять.

— Цзюньнин ушла, тебе нужно смотреть правде в глаза, — Лао Чжан, держа в руках чашку с водой, поднял взгляд на Сы Сянь. Несмотря на легкий макияж, её глаза выглядели невероятно уставшими. Те самые пронзительные, властные глаза теперь по-настоящему потускнели от усталости.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю, — Лао Чжан, поправив очки, которые придавали ему вид интеллигентного профессора, сделал глоток воды. Несмотря на то что он был бизнесменом, он всегда оставался невозмутимым. — Я знаю о вас всё.

Сы Сянь открыла рот, но ничего не сказала. Её рука лежала на книге — это был сборник произведений Чжан Айлин, любимой писательницы Цзы Цзюньнин. В школьные годы Сы Сянь тайком перепродавала такие книги одноклассникам, но сама никогда их внимательно не читала.

— Прости, я не сразу догадался о ваших отношениях. Если бы я знал... — Лао Чжан поставил чашку и замолчал. Спустя долгое время он добавил: — Ты дала ребенку имя Цзюньнин, боюсь, ты лишь бередишь себе раны.

Сы Сянь открыла форзац, опустив веки. Первым рассказом была «Любовь в павшем городе».

— Раны будут всегда, дело не только в имени.

— Раз ты в таком подавленном состоянии, лучше не читай это.

— М-м.

Сы Сянь всё казалось, что она должна что-то сделать. Год, два — она будет помнить её, а через десять лет? Двадцать? Тридцать? Человек ушел, и нужно оставить хоть какой-то след в этом мире. Лао Чжан дал несколько наставлений и ушел. В огромной комнате она снова осталась одна. Сы Сянь взяла чистое полотенце и протерла урну с прахом — она давно довела её поверхность до блеска. Она вспомнила, как безжизненно выглядела Цзы Цзюньнин на её второй свадьбе, когда отказалась быть подружкой невесты: Желаю тебе счастья в новой семье.

Её вторым мужем стал представитель «золотой молодежи» с военным чином. Этот брак Сы Сянь выстраивала с особой осторожностью, именно он позволил ей значительно приумножить состояние и закрепиться в столице. Но и этот брак оказался недолгим: не прошло и года, как поползли слухи о разладе. В то время как раз начиналась смена власти в верхах, и у мужа возникли серьезные политические проблемы — его обвинили в нечистоплотности, и Сы Сянь закономерно подала на развод. Этот брак был сделкой, принесшей прибыль. Муж оступился и до сих пор занимал лишь незначительную должность в провинции, не добившись особых успехов, но и не совершив роковых ошибок. Вероятно, через пару лет он вернется. Этот брак устроил её третий дядя. Он начал работать в госучреждениях еще в семидесятых, поймал удачную волну и сделал неплохую карьеру. Хотя его нельзя было назвать высокопоставленным чиновником, дела шли гладко, и лишь перед выходом на пенсию он вспомнил о необходимости помогать младшим членам семьи. У него были натянутые отношения с её вторым дядей — вероятно, из-за того, что тот когда-то присвоил его долю земли и вынудил уехать из родных мест. А её отец рано скончался от переутомления, поэтому она виделась с этим дядей всего несколько раз.

Подруга Цзы Цзюньнин, Тан Синь, после похорон договорилась о встрече с Сы Сянь. Погода стояла паршивая, моросил мелкий дождь. Тан Синь, одетая во всё черное, с чашкой горячего чая в руках, казалось, просидела здесь уже довольно долго. Она заметила Сы Сянь с зонтиком в цветочек еще через витрину и заказала для неё горячий какао.

Когда Сы Сянь села за столик, официант поставил перед ней напиток. Тан Синь сделала глоток чая, не собираясь начинать разговор, и снова уставилась в окно. У неё были распущенные волосы, ухоженная фигура и вид деловой женщины. Тан Синь работала в иностранной компании, её нынешний муж был её коллегой, занимавшим должность ниже. Тан Синь молчала, и Сы Сянь тоже не спешила говорить. Между ними всегда была неприязнь, и с юных

лет их мирила только Цзы Цзюньнин. Теперь, когда Цзы Цзюньнин не стало, им больше не нужно было притворно улыбаться друг другу.

— Библиотеки, которые Сяо Нин начала строить в горах Гуйчжоу, готовы лишь наполовину. Я собираюсь закончить начатое ею, документы уже у меня. Просто ставлю тебя в известность.

— Спасибо тебе. Раз речь идет о последней воле Сяо Нин, позволь мне заняться этим. Ты и так уже слишком много сделала.

— Я говорю тебе об этом только из уважения к памяти Сяо Нин, не думай, что это ради тебя, — Тан Синь выпрямилась. — К тому же, ты сейчас носишь чужого ребенка, лучше позаботься о своем здоровье. Ты ничего не понимаешь в делах Сяо Нин и не знала её по-настоящему.

Сы Сянь сделала глоток какао.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, и не хочу с тобой спорить. Но раз это была её мечта, никто не имеет большего права её исполнить, чем я. К тому же, Тан Синь, тебе со мной не тягаться.

— Сы Сянь, пусть я не так богата, как ты, но у меня доброе сердце, а у тебя — гнилое. Если ты хочешь использовать благотворительность Сяо Нин, чтобы потешить свое эго, я буду бороться до конца. Мне нечего терять.

— В твоих глазах я лишь алчный делец, так?

— А разве нет? — в глазах Тан Синь вспыхнул гнев. — Я бы предпочла, чтобы умерла ты, а не она. Но небо слепо.

— Твои провокации на меня не подействуют, Тан Синь.

— Такие, как ты, никогда не заслуживают искренних чувств. Забирай свои деньги и отправляйся в ад, — Тан Синь схватила со стола толстую папку с документами. — Надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Ты всегда вызываешь у меня лишь отвращение.

Проводив взглядом Тан Синь, которая направилась к машине, где её ждал муж, Сы Сянь достала телефон и позвонила секретарю:

— Можешь идти в отдел кадров за расчетом. Не забудь передать дела.

Тан Синь успела первой прибрать к рукам готовые материалы, значит, придется приложить больше усилий. Развод Сы Сянь отразился и на компании: падение акций на бирже, аттестации в филиалах... Проблем было много, но сейчас она хотела лишь допить этот какао и вернуться домой, чтобы продолжить читать Чжан Айлин, которую так любила Цзы Цзюньнин.

Идя по дождливой улице, Сы Сянь чувствовала, как капли дождя оседают на её волосах. Она крутила зонтик, стряхивая воду. Она уже давно не гуляла с Цзы Цзюньнин под одним зонтом — чаще они шли рядом, каждая под своим. В студенческие годы Цзы Цзюньнин любила, обхватив книги, прятаться под зонт Сы Сянь, нежно прижимаясь к ней, совсем как та молодая пара, что шла впереди.

— Сяо Нин?

— А?

— Прости, я ошиблась.

Она должна была заметить записки Цзы Цзюньнин. Она должна была понять её чувства. Она не должна была позволить Цзы Цзюньнин уйти.

Тан Синь спрашивала, кто она такая? Она — вдова Цзы Цзюньнин, а Цзы Цзюньнин — её ушедшая любовь.

Сы Сянь, придерживая всё тяжелеющий живот, шла бледная, как полотно. Впереди ослепительно сверкнули фары, послышались крики из промчавшейся машины:

— Куда прешь, слепая?! Хочешь, чтобы тебя раздавили, ненормальная?!

Вернувшись на виллу, она увидела, как навстречу поспешил дворецкий:

— Госпожа, с вами всё в порядке?

— Всё хорошо.

Внезапно по её ногам потекли две горячие струи. Сы Сянь медленно осела на пол. Веки становились всё тяжелее, и в последний момент перед тем, как сознание угасло, она услышала звук сирены скорой помощи, шум больницы и грохот колес каталки, на которой её везли в операционную. В ушах зазвучали голоса, и один из них — необычайно чистый и звонкий — принадлежал Цзы Цзюньнин. Она пела песню Терезы Тенг «На той стороне воды».

Прекрасная дева у воды живет. Я хочу плыть против течения, чтобы быть рядом с ней. Но путь преграждают пороги, дорога так далека. Я хочу плыть по течению, чтобы найти её путь. Но лишь смутно вижу её — она там, посреди воды.